

Даже если семья Цзян узнает об этом, она не сможет открыто противостоять старосте Ань. В конце концов, они считают, что, пока брачный договор между Ань Тун и Цзян Чэнъянь существует, семья Цзян всё равно получит свою выгоду в будущем.

— Что именно вы хотите проверить в семье Цзян? — спросила Ань Тун.

Староста Ань и Ли Цзиньсю обменялись взглядами, и он ответил:

— Семья Ань и семья Цзян — это старые друзья, но семья Ань и семья Ань — это одна семья. Мы можем поддерживать отношения с семьёй Цзян, но это всё в прошлом. Люди меняются, и члены семьи Цзян тоже меняются. Ради семьи Ань мы должны сделать выбор. Между доверием к друзьям и интересами семьи мы выбираем семью.

Если разобраться, действия старосты Ань могут показаться недоверием к друзьям, и, если кто-то узнает об этом, его могут обвинить в несправедливости. Но он не настолько наивен, чтобы ради так называемой «справедливости» смотреть, как страдают другие.

Он терпел действия семьи Цзян много лет, что уже можно считать великодушием, но Цзян Даофан, в отличие от старого Цзяна, не обладает его талантами и становится всё более жадным.

Узнав эту правду, Ань Тун погрузилась в размышления.

Староста Ань и Ли Цзиньсю, увидев её реакцию, пожалели, что рассказали ей слишком много, опасаясь, что она ещё не готова к такому удару.

Однако они явно переоценили её слабость.

Нынешняя Ань Тун уже не та, что в прошлой жизни. После того как она пережила смерть и заставила своих родителей страдать из-за её гибели и клеветы, её больше волновало, как защитить себя и семью Ань.

Она тоже могла быть эгоистичной.

Ради этих целей она могла думать о людях самое худшее, поэтому, когда староста Ань и Ли Цзиньсю рассказали ей о семье Цзян, она не была сильно потрясена.

Она улыбнулась и сказала:

— Папа, мама, я забуду об этом, как только выйду из этой комнаты, и никому не скажу ни слова. Что касается отношений с семьёй Цзян, пока мы не порвали с ними открыто или не уверены, что можем остаться в стороне, будем вести себя как прежде.

Староста Ань был удивлён: неужели это его наивная и беззаботная дочь, которую Сюй Сянжу доводила до слёз?

Ли Цзиньсю сказала:

— Да, так и должно быть. Дорогая Тун, мы не хотели, чтобы ты в таком возрасте уже сталкивалась с такими вещами, но если бы ты осталась такой же, как раньше, в будущем тебе пришлось бы тяжело. Поэтому мы решили рассказать тебе всё, чтобы ты была готова.

— Если бы вы мне не рассказали, я бы сама мучилась!

— О чём ты мучилась бы? — спросил староста Ань.

— О том, как сказать вам, что я не хочу выходить замуж за Цзян Чэнъяня!

— ...

Хотя желание Ань Тун не выходить замуж за Цзян Чэнъяня было сильным, она понимала, что сейчас не лучшее время для этого. Ведь семья Ань только что пересмотрела вопросы аренды, и семья Цзян уже не получит от них столько выгоды. Если они заговорят о разрыве помолвки, семья Цзян может пойти на отчаянные меры.

В любом случае, в этом году она вряд ли выйдет замуж за Цзян Чэнъяня, поэтому спешить не стоит. Ведь этот год был годом старосты Ань по китайскому зодиаку, и в прошлой жизни семья Ань использовала это как предлог, чтобы отложить свадьбу до пятого года эры Чэнкан.

Ань Тун также решила, что пора сообщить Сюй Сянжу о своём решении разорвать помолвку с Цзян Чэнъянем. Таким образом, Сюй Сянжу поймёт, что у Ань Тун нет чувств к Цзян Чэнъяню, и семья Ань не будет препятствием для их отношений.

Ань Тун планировала выбрать подходящий день для этого разговора, но перед этим она хотела насладиться праздником Юаньсяо.

Она взяла Жэнь Цуйжоу с собой в бамбуковую рощу, срубила два бамбуковых стебля и попросила помочь разделить их на тонкие полоски. Затем она начала мастерить фонарики.

Чтобы сделать хороший фонарь, нужны умелые руки.

Ань Тун несколько раз укололась о бамбуковые щепки, и в итоге, с порезанными и уколотыми пальцами, она сделала каркас фонаря, который с трудом можно было назвать привлекательным.

Обклеив его бумагой, она с удовлетворением взяла фонарь и отправилась хвастаться перед Сюй Сянжу.

— Как тебе этот фонарь?

Сюй Сянжу мельком взглянула на него:

— Довольно оригинально. Это для поминания предков? Но до праздника Чжунъюань ещё далеко.

Ань Тун рассердилась:

— Что за взгляд! Это для... для тебя!

Сюй Сянжу удивилась:

— Белый фонарь в подарок?

— Он ещё не покрашен.

Сюй Сянжу задумалась:

— Значит, это просто жест доброй воли?

Ань Тун молча забрала фонарь:

— Я покрашу его и тогда подарю.

Сюй Сянжу взяла фонарь и спросила:

— У тебя ещё есть бамбуковые полоски?

— Зачем?

— Научу тебя делать фонари.

— Тебе не нравится, как я его сделала?

Сюй Сянжу спросила в ответ:

— А тебе нравится?

Ань Тун стиснула зубы:

— Ты просто злая!

Несмотря на то, что Ань Тун и Сюй Сянжу уже давно помирились, они никогда открыто не признавали этого. Ань Тун не могла удержаться от желания подразнить Сюй Сянжу, особенно когда увидела, как ловко та мастерит фонари.

— Ты не боишься уколотся, потому что у тебя грубая кожа?

Сюй Сянжу на мгновение остановилась. Слова Ань Тун напомнили ей их прошлые споры. Неудивительно, что в последнее время ей чего-то не хватало — оказывается, Ань Тун перестала её доносить!

Хотя ей нравилось спокойствие, но без этих стычек жизнь становилась скучнее, не так ли?

— Маленькая Ань боится уколотся, но это не значит, что у неё нежная кожа.

Ань Тун хотела показать Сюй Сянжу свою изящную фигуру и дать ей потрогать свою гладкую кожу!

Она признавала, что была чуть темнее, чем те, кто сидел дома, но с начала зимы она снова посветлела!

— Почему же у меня не нежная кожа? Посмотри, как я укололась, делая этот фонарь, — протянула Ань Тун руку к Сюй Сянжу, чуть не ударив её по лицу.

Сюй Сянжу схватила её руку, чтобы избежать удара. Она прищурилась и увидела, что пальцы Ань Тун действительно покраснели, а в одном из них даже торчала заноза. Она тут же потянулась, чтобы вытащить её.

Ань Тун, чей палец был в её руке, почувствовала боль и зуд:

— Ай, больно... ха-ха, щекотно... Ой, полегче, ты делаешь мне больно!

Староста Ань, вернувшись домой и услышав, что Ань Тун мастерит фонари, решил посмотреть,

что она натворила. Услышав эти странные звуки, он на мгновение потерял дар речи, а затем бросился к ним, крича:

— Что вы делаете? Немедленно прекратите!

Через некоторое время Сюй Сянжу наконец вытащила занозу. Ань Тун, погладив палец и убедившись, что всё в порядке, ещё не успела обрадоваться, как увидела своего отца, который в гневе появился перед ними.

Староста Ань, увидев, что в саду находятся Ань Тун и Сюй Сянжу, а вокруг них разложены бамбуковые полоски и каркасы фонарей, всё понял.

Он покраснел и, встретившись с недоуменными взглядами Ань Туна и Сюй Сянжу, прочистил горло:

— О, это ты, Тун, и маленькая Сюй!

— А кто ещё? Папа, я слышала, как ты кричал. Что случилось? — спросила Ань Тун.

Её слова ещё больше смутили старосту Ань. Он сделал вид, что всё в порядке:

— Ничего, я услышал, как ты кричала от боли, и подумал, что ты поранилась.

— Это просто заноза от бамбуковой щепки. Хотя это и не рана, но всё равно больно.

Староста Ань, словно нашёл оправдание, снова стал серьёзным:

— Фонари можно купить, какие угодно! Зачем самой их мастерить?

— Папа, подумай, как красиво будет, если весь дом будет украшен фонарями, которые я сделала сама!

Староста Ань, увидев единственный фонарь, обклеенный белой бумагой, едва сдержал усмешку. Ему не хотелось расстраивать Ань Тун, но если бы весь дом был украшен такими фонарями, люди могли бы подумать, что в семье Ань кто-то умер.

Ли Цзиньсю, находившаяся неподалёку, услышала голос старосты Ань и поспешила к ним.

Услышав от Ань Туна причину крика старосты Ань, она увидела его смущённую улыбку и всё поняла. С досадой она потянула его за собой:

— Ты, бесстыдник, как можешь думать о таких вещах перед детьми?

Ань Тун смотрела на них, полная недоумения:

— О чём папа думал?

Сюй Сянжу, наблюдая за уходящими старостой Ань и Ли Цзиньсю, услышав вопрос Ань Туна, ответила:

— Это твой отец, маленькая Ань. Если ты не знаешь, о чём он думал, то как я могу знать?

Затем она добавила:

— Твои родители, должно быть, очень изобретательны.

<http://bllate.org/book/16381/1482449>